

Политология. Международные отношения

УДК 323:353

М.В. Исобчук

КУДА ИСЧЕЗАЕТ РЕГИОНАЛИЗМ? СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТРАНСФОРМАЦИИ РЕГИОНАЛИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ¹

Исследование регионализма является, пожалуй, одним из трендов мировой политической науки на протяжении уже более чем полувека. Вместе с тем основное внимание исследователей привлекают случаи «успешного» регионализма (например, в Испании или Великобритании), в то время как «неуспешные» (в электоральном выражении) регионализмы остаются без должного анализа. Целью данного исследования являлось определение основных факторов, способствующих упадку регионализма. На материалах трех регионализмов в Центральной Восточной Европе (Шомодь, Моравия и Южная Словакия) данные факторы были выявлены. В качестве метода исследования, соответственно, выступает малоказусное качественное сравнение. В ходе исследования выявлены три группы факторов, способных потенциально влиять на успех регионалистского движения: факторы, связанные с активностью акторов регионализма, институциональные факторы и факторы региональной идентичности. Каждый из данных факторов непосредственно и в сочетании с другими способен напрямую влиять на успешность регионалистского движения. Так, для моравского регионализма решающими факторами упадка стали организационная слабость регионалистской партии в сочетании с упадком региональной идентичности, для регионализма в Шомоди фатальной явилась реформа административно-территориального устройства Венгрии, лишившая регионы какой-либо автономии и реальной власти, и венгерский регионализм в Словакии, лишенный институциональных и организационных привилегий, потерял электоральную значимость. В целом упадок регионалистского движения в данном контексте лишь в одном случае из трех привел к исчезновению регионалистского движения как такового, в двух случаях оно успешно трансформировалось в другие организационные формы. Таким образом, в исследовании зафиксированы основные факторы упадка регионализма и выявлены возможные модели его трансформации.

Ключевые слова: регионализм, регионалистская партия, регионалистское движение, региональная идентичность, многоуровневое управление.

DOI: 10.35634/2587-9030-2021-5-1-48-56

Введение

Актуальность регионализма в условиях современных политических процессов подтверждают по крайней мере текущие события с каталонским и шотландским сепаратизмом, рост регионализма в Италии, Швейцарии и т. д. Однако в поле зрения исследователей зачастую попадают случаи «успешного регионализма» – когда регионализм обладает особым статусом взаимоотношений с центром, имеет четкую региональную идентичность и мобилизацию. Множество академических работ посвящено регионализмам в Испании, Великобритании, Канаде и т. д. [8; 12; 19]. Однако другие регионализмы, менее институционализированные, менее актуальные в мировой политической повестке, выпадают из поля зрения как исследователей, так и широкой общественности в целом.

Вместе с тем не менее любопытно было бы проследить, почему некоторые регионализмы не добиваются «успеха» (в институциональном, электоральном измерениях и т. д.), а, напротив, со временем теряют свою актуальность и влияние на политические процессы. В настоящий момент в Европе существует немало примеров неуспешных (failed) регионализмов, некогда имевших электоральную поддержку и репрезентацию в легислатурах, но затем таковую утративших. Каковы факторы и модели разрушения/ослабления регионалистского движения, потери регионалистской партией репрезентативных функций? Вероятно, постановка подобного исследовательского вопроса позволит сменить привычный ракурс исследований регионализма и обогатить существующие представления о нем.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00053 «Субнациональный регионализм и динамика многоуровневой политики (российские и европейские практики)») в Пермском федеральном исследовательском центре УрО РАН.

Теоретические основания

В современной исследовательской литературе на данный момент так и не сложилось определенного консенсуса относительно концептуализации регионализма. Некоторые исследователи, к примеру М. Китинг, концептуализируют регион и как пространство политического действия, определенную арену принятия решений, и как актора (политического субъекта), который непосредственно вовлечен в принятие данных решений [27]. Другие, к примеру Х.-Ю. Пуле, определяют регионализм как идеологию, на которой основываются акторы в достижении политической субъектности региона [17]. Все разнообразие концептуализаций регионализма П.В. Панов условно классифицирует следующим образом:

- 1) достаточно интенсивная региональная идентичность, основанная на гетерогенности регионов в коллективном восприятии;
- 2) движение, которое стремится к обретению регионом политической субъектности;
- 3) модель взаимоотношений центра и региона, когда последний обладает политической субъектностью [28].

Исходя из данных определений, можно сформировать три основных фактора регионализма: институты, акторы и идентичность. П.В. Панов также фиксирует наличие трех данных основных компонентов регионализма: «РИ – «регионалистское» восприятие социальной реальности; РД – деятельность «регионалистских» акторов; РЦ – «регионалистские» практики взаимоотношений регионов и центра» [28]. Комбинация подобных элементов встречается и в других теориях, объясняющих динамику регионализма [21].

Прежде всего, к таковым относятся теории, объясняющие силу проявления регионализма спецификой региональной идентичности (наличием специфических проявлений этничности в регионе). Так, конкретная региональная культура требует чувства региональной принадлежности, которое часто связано с определенными социокультурными маркерами идентичности, такими как язык меньшинства, его исторический бэкграунд и т. п. [23. Р. 151]. Таким образом, предполагается, что наличие сильных специфицирующих оснований идентичности влияет на силу проявления регионализма в конкретном регионе. Другой подход, инструменталистский, связывает динамику регионализма с эксплуатацией идентичности конкретными политическими акторами. Согласно данному подходу идентичность – множественный конструкт, конкретные особенности которого конвертируются в политическое действие различными акторами политики [26. С. 17]. Так, позиция инструментализма заключается в том, что некие политические акторы, к примеру политические партии, сознательно эксплуатируют то или иное проявление идентичности для формирования собственной поддержки, а также конструирования региональной идентичности. Также известным подходом является теория социальных расколов С. Липсета и С. Роккана [15], согласно которой структура социальных расколов (центр – периферия, рабочий класс – буржуазия и другие) задает определенные условия возникновения политических акторов, которые выстраиваются по линии расколов. Традиционно теория социальных расколов используется в объяснении партогенеза в условиях регионализма.

На динамике регионализма сосредоточены и институциональные теории различной направленности, предполагающие, что определенная конфигурация институтов влияет на динамику регионализма. Прежде всего к таковым теориям можно отнести теории многоуровневого управления, определяемого как «дисперсия авторитетного принятия решений на нескольких территориальных уровнях» [14]. Следовательно, на динамику регионализма способно влиять наличие у региона определенного особого статуса, полномочий, закрепленных институционально, различных предпочтений. Определенный тип институционального устройства в данном случае формирует возможности (теория «окна возможностей» Ч. Тилли) [24] для возникновения регионалистских акторов различного типа (в т. ч. и партий), способных функционировать в рамках данных институтов и получать от этого функционирования определенные предпочтения. Существует, впрочем, и другая теория, согласно которой, напротив, отсутствие институтов регионализма в регионах с выраженной спецификой, предпочтений способствует мобилизации регионализма (теория депривации Т.Р. Гурра) [9]. Так или иначе, согласно данным теориям определенный институциональный дизайн способен мобилизовать действие различных регионалистских акторов и тем самым регионализм как движение в целом.

В контексте институциональных теорий особое место занимают теории, посвященные влиянию институционального устройства Европейского союза на динамику регионализма. Как справедливо отмечает Э. Элиас, «многие из регионалистских партий приняли лозунг «Европа регионов» как выражение своего стремления превратить Европу в государство, которое дало юридическое и институ-

циональное признание культурным и языковым особенностям исторических наций и регионов [7. Р. 484]. Действительно, процессы европейской интеграции и децентрализации создали новые стимулы для региональных акторов – разнородной группы, включающей региональные и местные органы власти, региональные и этнические партии, – для участия в принятии европейских решений. Таким образом, политика децентрализации ЕС также способствует нарастанию регионалистских движений в европейских государствах.

Все данные теории так или иначе объясняют лишь условия, в которых регионализм возникает, и среду, в которой он функционирует. Однако только наличие регионалистских настроений либо институтов, способствующих его формированию, не всегда приводит к его политическому проявлению. Для политического проявления регионализма необходимо наличие специфических акторов, способных выражать данную идентичность в данных условиях. Если определять регионализм как политическое движение региона с целью получения/сохранения особого статуса, то логично предположить, что данное движение включает в себя акторов, его консолидирующих и мобилизующих. И в качестве таковых акторов будут выступать политические партии. Как было отмечено ранее, большинство институциональных теорий и теорий идентичности концентрируются на партиях как основных акторах регионализма. Безусловно, помимо политических партий, можно отметить и других акторов регионализма (органы исполнительной власти, институции ЕС и проч.), однако в условиях европейских политических систем, а также специфики ЕС политические партии становятся, пожалуй, наиболее репрезентативными и сильными акторами регионализма. Все акторные теории регионализма сходятся на предположении о том, что непосредственно специфика данных акторов, а также их взаимодействие с другими акторами и политической системой в целом влияют на регионализм. И в связи с этим актуальными становятся теории взаимосвязи партий, партийных систем и регионализма [3; 5; 6]. В рамках данной группы теорий предполагается, что специфика партий, определенная констелляция партий в рамках партийной системы [10; 11], а также механизмы их взаимодействия способны влиять на динамику регионализма. Тому, каким образом это происходит, будут посвящены последующие параграфы. Однако уже на данном этапе можно отметить, что разнообразные теории динамики регионализма не исключают друг друга, не конкурируют между собой, а, скорее, выстраивают целостную систему, объясняющую динамику регионалистского движения. Так, наличие определенной специфики идентичности при совокупности определенных институциональных возможностей способствует появлению специфических акторов регионализма и, в свою очередь, нарастанию регионализма в целом. А политические партии, как ключевые агенты формирования идентичности и институтов, являются, в свою очередь, непосредственными акторами динамики регионализма. Таким образом, влияние институтов и идентичности на динамику регионализма опосредуется через акторов.

В целом в данной работе в качестве концептуализации регионализма будет использовано следующее определение: «регионализм – это политическое движение, имеющее ограниченную территориальную базу (один или несколько близлежащих регионов), и конвертирующее аспекты региональной идентичности (этнические, экономические, политические и т. д.) в политическое действие, целью которого является достижение/сохранение особого статуса региона, который оно представляет». Следуя данному определению регионализма, можно предположить, что три основных компонента регионализма, выявленные ранее (институты, идентичность и акторы), способны совместно или по отдельности гипотетически влиять на динамику регионализма.

Метод

В настоящее время существует небольшое количество регионализмов, динамика которых претерпела значительные изменения в направлении спада. Ярким примером тому являются регионализмы в Центральной Восточной Европе: регионалистские движения в Чехии, Польше, и т. д., возникшие в 1990-х, которые уже к 2010-м полностью теряют свою электоральную и акторную значимость. Учитывая количество независимых переменных, малочисленность случаев, в качестве метода исследования будет использован метод малоказусного качественного сравнения, так как данный метод позволит наиболее явно выявить спектр возможных детерминант отрицательной динамики регионализма.

В качестве случаев сравнения отобраны три регионалистских движения в странах ЦВЕ: моравский регионализм в Чехии, венгерский регионализм в Словакии и шомодский регионализм в Венгрии. Данные случаи иллюстрируют различную вариацию факторов, обуславливающих динамику регионализма, и вместе с тем являются наиболее типичными в контексте исследовательского вопроса.

Как было сформулировано ранее, на динамику регионализма способны влиять три большие группы факторов: факторы, связанные с региональной идентичностью, регионалистские акторы и институты, в которых они функционируют. Данные группы факторов и будут являться критериями сравнения в рамках анализа.

В качестве индикатора динамики регионализма в данной работе будет использован электоральный успех регионалистских партий на региональных выборах, так как данный показатель фиксирует как разделение регионалистских ценностей населением, так и успешность функционирования регионалистских партий как основных акторов регионализма.

Результаты

Регионализм в Моравии: акторная несостоятельность в условиях упадка идентичности

Моравия – исторический макрорегион Чешской Республики, находящийся в восточной ее части. Моравия в настоящее время территориально делится на следующие административные единицы: Моравско-Силезский, Оломоуцкий, Злинский, Южноморавский и часть края Высочина. В начале XX века в регионе уже существовали моравские политические партии, а моравская автономия была представлена в Чехословацкой Республике. Более того, Моравия – одно из первых территориальных образований, где официально было закреплено пропорциональное представительство этнических групп.

После коммунизации Чехословакии в 1945 году автономия Моравии была редуцирована. Единственная попытка поднять моравские проблемы в повестку произошла в течение короткого периода Пражской весны в 1968 году. Общая либерализация политического дискурса (и в некоторой степени даже политический режим при Коммунистической партии Чехословакии) открыла способ высказывать мнения различных меньшинств, в том числе просьбы о реституции Моравской автономии. Первые претензии такого рода были подняты сотрудниками Моравского музея в Брно, который в декларации, принятой 2 апреля 1968 г., требовал обновления статуса Моравской губернии. Моравцы одними из первых вновь высказали идею о федерализации Чехии, однако все идеи моравской идентичности так или иначе делиберировались с культурного и исторического ракурсов. Политические же претензии региона вновь оформились лишь после Бархатной революции в 1989 году.

Мораване являются западнославянской этнографической группой, представители которой говорят на моравских диалектах чешского языка, общечешском или используют смешанную форму обоих. Вместе с силезцами та часть населения, которая этнически идентифицирует себя как мораване, зарегистрирована в чешских переписях с 1991 года [13]. Идентичность мораван достаточно размыта, фрагментирована и подвержена политическому влиянию. В 1990-х гг., когда движение за моравскую автономию было на подъеме, доля населения, идентифицирующего себя как мораване, была высока, но уже через десятилетие стремительно снижается, что невозможно объяснить демографическими причинами (от 13,2 % от общей доли населения в регионе в 1990 г. до 5 % в 2011 г.) [13]. Из этого следует, что моравская идентичность – феномен более чем конструируемый. Также, говоря об идентичности мораван, следует подчеркнуть тот факт, что в ней скорее превалируют исторические основания, нежели языковые и т. д., что определяет некоторую слабость данной идентичности.

В 1990-х годах сцена моравской политики была очень разнообразна [22]. Количество политических, а также культурных организаций, стремящихся к Моравской автономии и поощрению претензий Моравии с различными аргументами, было очень значительно.

Новое движение за автономную демократию – Общество Моравии и Силезии (*samosprávné demokracie – Společnost pro Moravu a Slezsko, HSD-SMS*) – официально создано 1 апреля 1990 года. HSD-SMS добился парламентского представительства как на уровне Моравии и на национальном уровне. Первый раскол в движении уже произошел в момент обвинений председателя партии в сотрудничестве с тайной полицией, и это было усилено решением HSD-SMS с января 1991 года покинуть чешское правительство в знак протеста против отсутствия представительства интересов в обновлении Моравской автономии. Фракция распалась на клубы HSD-SMS I и HSD-SMS II.

Вспышка разногласий и споры среди моравских политических элит способствовали маргинализации партии, о чем свидетельствует результат: не более 2 % голосов избирателей после января 1993 года. Ян Кричер, харизматик, лидер движения, продолжил трансформацию движения, переименовав его в Движение за автономную демократию Моравии и Силезии и, в январе 1994 г., в Чешско-Моравскую центристскую партию (Чешкоморавская Страна – *středu – ČMSS*). Противники в 1994 году создали Движение Автономной Моравии и Силезии – Моравское национальное объединение

(Hnutí samosprávné Moravy a Slezska – Moravské národní sjednocení, HSMS-MNSj). Это также привело к созданию Чешско-Моравского союза центра (Českomoravská unie středů, ČMUS). Это в итоге привело к тому, что в 1996 году целых три моравских списка баллотировались в чешских парламент, и все три – безуспешно.

С декабря 2005 г. партийная политика Моравии представлена исключительно партией под названием «Мораване». Моравская партия была основана в 1994 году. Название было принято членами партии на конгрессе по слиянию в 2005 году, когда Движение Автономной Моравии и Силезии объединилось с Моравской демократической партией [16]. Партия впервые приняла участие в общенациональных парламентских выборах в июне 2006 года и набрала лишь 0,23 % голосов всенародного голосования, гораздо ниже минимального порога для получения депутатских мандатов. Участвовала в национальных выборах в 2010 г. (0,23 %) и в 2006 г. (0,23 %). Мандатов не имела. В 2017 г. партия баллотировалась на выборах в альянсе с радикальной партией «Свобода – прямая демократия», однако мест в Парламенте снова не получила. По собственным сведениям, партия имеет двух представителей моравской идеи в Парламенте от других партий. В 2018 году член партии Петр Мичек баллотировался на выборах в Сенат, однако победы не одержал. Ни на одних региональных выборах за последние три электоральных цикла партия не получила мандата [4]. В конце концов на данный момент партия дрейфует в сторону некоммерческого культурного объединения ввиду отсутствия каких-либо заметных электоральных элементов в своей деятельности.

Несмотря на тот факт, что Моравия, по сравнению с другими АТЕ Чехии, спецификой не обладает, следует отметить, что, несмотря на унитарность центр-периферийных отношений, в государстве существуют институциональные возможности для территориального представительства. Среди них: представительство в легислатурах, репрезентативные институты в рамках ЕС и т. д. Однако, ввиду организационной слабости моравского регионализма, последний данные возможности для репрезентации не использует.

Таким образом, основные факторы упадка моравского регионализма: спад регионалистской идентичности вкпе с организационной и политической слабостью основного регионалистского актора – регионалистской партии. Неспособность регионалистского актора к мобилизации регионалистской идентичности стала, пожалуй, основным катализатором провала регионализма.

Южная Словакия: между регионалистской и этнической репрезентацией

Южная Словакия – макрорегион, включающий в себя южные территории четырех регионов (Трнава, Нитра, Кошице и Банска Быстрица) с преимущественно венгерским населением. До 1998 г. венгерское меньшинство на национальной политической арене было представлено тремя партиями: Венгерское христианско-демократическое движение, Coexistence, и Венгерской гражданской партией. Однако изменение избирательного закона спровоцировало последние объединиться в одну партию – Папртию венгерского сообщества (Hungarian: Magyar Közösség Pártja, Slovak: Strana maďarskej komunity, далее – SMK). Данная партия была значима на протяжении всех двухтысячных годов – два раза была включена в национальные коалиционные правительства, несколько раз формировала правительства на региональном уровне. В Словакии практически отсутствуют региональные партии, что во многом объясняется тем, что на парламентских выборах вся страна представляет собой единый избирательный округ. Во время региональных выборов партии, как правило, представляют кандидатов во всех восьми самоуправляющихся регионах. Однако SMK можно считать региональной партией. Партия выставляет кандидатов во всех регионах, но концентрирует большинство своих кандидатов в четырех регионах. SMK, как правило, представляет не более одного или двух кандидатов в Жилине, Тренчине, Прешове и Банской Быстрице. Партия сыграла достаточно значимую роль в реформе регионального самоуправления в 2001 г.: в частности, выступала за этническое обоснование границ АТД (создание венгерского округа Комарно). Для Словакии данный пункт является значимым хотя бы потому, что согласно закону № 184 Сб. от 10 июля 1999 года все языки меньшинств в Словакии имеют равный статус со словацким в тех городах и деревнях, где численность меньшинства превышает 20 % населения. Здесь меньшинства могут использовать свой родной язык во всех взаимодействиях с должностными лицами штатов и местных органов власти, а официальные документы должны быть доступны в переводе. Однако реформа 2001 года установила границы территориальных образований таким образом, чтобы венгерское меньшинство в них не превышало 20 % [1]. Данный факт, в частности, спровоцировал выход SMK из национального правительства. В течение 2000-х гг. влияние

партии на национальной арене стремительно снижалось [2; 20]. В настоящий момент партия минимально представлена в региональных парламентах. В конце концов к 2016 г. на электоральную арену выходят другие этнические венгерские партии: «Мост-Хид» и Венгерская христианско-демократическая партия. В 2019 году была создана Ассоциация венгерского сообщества (Hungarian Community Association) – новая партия, продемонстрировавшая значимые результаты в региональном разрезе национальных выборов 2020 года. Впрочем, последние трудно считать регионалистскими (программные требования не базируются на территориальном аспекте).

Так, в случае Южной Словакии, где регионалистское движение было представлено Партией венгерского сообщества, реформы административно-территориального управления, нацеленные на снижение концентрации регионализма в регионах (таким образом, чтобы венгерское меньшинство в них не превышало 20 %), прямо повлияли на спад регионалистского движения. В конечном итоге регионалистское движение в контексте утраты способности институциональной репрезентации регионалистской повестки постепенно трансформировалось в сугубо этническое движение (без стремления к приобретению территориальной автономии).

Шомодь: регионализм в условиях институциональных ограничений

Шомодь – исторический регион Венгрии. В X веке венгерское племя ньек занимало область вокруг озера Балатон (Южное Задунавье), в основном это районы, известные сегодня как графства Зала и Шомодь. Округ Шомодь возник как один из первых комитатов Королевства Венгрия в XI веке. Город Шомогивар был одним из важнейших религиозных и светских центров в Средние века.

Особое влияние на развитие региональной идентичности оказало географическое положение: регион оз. Балатон является регионом, наиболее подверженным регионализму в Венгрии. Среди причин данного регионализма особое место занимают: туристическая специализация региона, приграничное положение, экологическая повестка, гетерогенная этническая композиция и другие факторы. В период 1990-х – начала 2000-х гг. регионы оз. Балатон (Баранья, Зала, Веспрем, Сзаболик и др.) отличались подъемом регионализма: в каждом из энтитетов существовало минимум одно избирательное объединение (партия) регионалистского толка. Однако уже к середине 2000-х гг. ввиду региональной реформы данные объединения теряют свою значимость. Единственным регионом, где регионализм продолжает иметь хоть какое-либо политическое выражение, остается Шомодь – там регионалистская партия Шомодьерт по-прежнему занимает места в региональной парламенте.

Регионализм в Шомоди приобретает свое политическое выражение в период с начала 1990-х гг. Первой регионалистской организацией становится Христианская коалиция округа Шомодь, созданная в 1990 году [25]. В программе альянса подчеркивались национальные ценности и традиции, западная ориентация Венгрии, христианская демократия и возможная конфедеративная интеграция бывшего Восточного блока. На национальных выборах 1990 г. партия баллотировалась в парламент, но, получив 0,12 % голосов, не приобрела мандата. Вскоре распалась.

В 1994 году была создана Ассоциация Шомоди (Somogyert). Партия создана 109 известными политиками и предпринимателями в Шомодье. Сегодня ее членский состав составляет около 4000 человек. Ее возглавляет Иштван Дженесе, инженер и экономист, бывший председатель Генеральной ассамблеи округа Шомодь. На данный момент эта организация – единственная регионалистская политическая сила в регионе. И ее электоральное представительство неукоснительно сокращается.

Однако в отношении Венгрии значимым является институциональный фактор: условиях авторитарного дрейфа в период нахождения у власти партии «Фидес» и премьерства В. Орбана специфика отношений центра и периферии в Венгрии значимо изменилась. Административные реформы и реформы избирательного законодательства лишили регионалистское движение способов и возможностей представительства на национальном уровне. Более того, ужесточение структуры отношений центра и регионов в конечном итоге сделало репрезентацию регионализма в отношении автономии невозможной. Дело в том, что Конституция Венгрии 2011 года фактически лишила региональный уровень какой-либо реальной автономии, оставив за ним лишь номинальные функции [18]. Все указанные факторы в итоге привели к фактическому исчезновению регионалистского движения в Венгрии в целом, и в Шомоди в частности.

Обсуждение

Таким образом, на материале трех регионализмов можно сделать некоторые выводы о причинах упадка регионализма. Среди них: организационная и мобилизационная слабость акторов (прежде всего регионалистских партий), институциональные препятствия для репрезентации регионализма в политическом процессе и упадок регионалистской идентичности как движущей силы регионализма. Безусловно, соотношение данных факторов варьируется от случая к случаю и установить точно, какая критическая масса этих факторов, какое конкретное состояние регионализма становятся решающими для исчезновения/трансформации регионализма в рамках данного исследования не представляется возможным.

Вероятно, включение данного наблюдения в более широкий сравнительный контекст создаст больший исследовательский потенциал и, безусловно, позволит сформулировать более четкий пул факторов упадка регионализма и влияние каждого из них в отдельности.

Выводы

В ходе исследования было выявлено три основных фактора разрушения регионалистского движения: отсутствие стимула к развитию региональной идентичности (и, как следствие, потеря регионалистским движением собственной электоральной базы), институциональные барьеры для осуществления репрезентации регионализма, а также организационная несостоятельность регионалистского движения. Каждый из кейсов, безусловно, отличается констелляцией по крайней мере двух таких факторов. Так, в случае Южной Словакии (макрорегион), где регионалистское движение было представлено Партией венгерского сообщества, реформы административно-территориального управления, нацеленные на снижение концентрации регионализма в регионах, вкупе с организационными конфликтами внутри партии привели к потере ею электоральной конкурентоспособности. В случае Моравии, где регионалистское движение в начале 1990-х развивалось вполне успешно, регионалистская партия «Мораване» (единственная на данный момент) почти потеряла свое представительство в ходе ослабления региональной идентичности, а также утраты организационных ресурсов (достаточного финансирования, сплоченности и пр.). Наконец, регионалистское движение в венгерском регионе Шомодь потерпело поражение в ходе реформ централизации АТД, инициированных В. Орбаном, и малой электоральной востребованности репрезентации регионализма.

На основании данных случаев выявлены также три модели трансформации регионалистского движения как следствия потери ими репрезентативного потенциала. Первая модель предполагает трансформацию регионалистской партии в некоммерческую организацию или стремление к таковой (Моравия). Другой случай – трансформация регионалистского движения в другое движение (к примеру, дрейф в сторону этнической репрезентации в Южной Словакии). Наконец, наиболее очевидный вариант – фактическое исчезновение регионалистского движения (Шомодь). Безусловно, сценарии утраты репрезентативности регионализмом многообразны и контекстуально зависимы, однако следует заметить, что выявленные сценарии являются наиболее типичными на европейском пространстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bitušiková A. Slovakia: An Anthropological Perspective on Identity and Regional Reform // *Regional & Federal Studies*. 2002. P. 41-64.
2. Bochsler D., Szöcsik E. The Forbidden Fruit of Federalism: Evidence from Romania and Slovakia // *West European Politics*. 2014. P. 426-446.
3. Branchati D. The origins and strengths of regional parties // *British Journal of Political Science*. 2007. P. 135-159.
4. Cesky Statisticky Urad. URL: https://www.volby.cz/index_en.html (дата обращения: 09.07.2019).
5. De Winter L., Türsan H. Regionalist parties in Western Europe. London: Routledge, 1998.
6. Deschouwer K. Political parties in multi-layered systems // *European Urban and Regional Studies*. 2003. No. 10(3).
7. Elias A. Introduction: Whatever Happened to the Europe of the Regions? Revisiting the Regional Dimension of European Politics // *Regional & Federal Studies*. 2008. 18(5). P. 483-492.
8. Falco-Gimeno A. Preferences for Political Coalitions in Spain. *South European Society and Politics*. 2012. 17 (3). P. 487-502.
9. Gurr T.R. *Ethnic Conflict in World Politics*. Westview Press, 1994.
10. Hadley C., Morass M., Nick R. Federalism and Party Interaction in West Germany, Switzerland and Austria // *The Journal of Federalism*. 1989. 19(3). P. 81-97.

11. Hepburn E. Explaining Failure: the Highs and Lows of Sardinian Nationalism // *Regional & Federal Studies*. 2009. 19(4/5). P. 595-618.
12. Hepburn E. Small Worlds in Canada and Europe: A Comparison of Regional Party Systems in Quebec, Bavaria and Scotland // *Regional and Federal Studies*. 2010. 20(4-5). P. 527-544.
13. Hloušek V. From region to nation and back again: Moravian parties' rhetoric and politics in the course of time // *The Annual of Language & Politics and Politics of Identity*. 2015. P. 5-22.
14. Hooghe L., Marks G. *Multi-level Governance and European Integration*. Rowman & Littlefield. 2015.
15. Lipset S.M., Rokkan S. *Party Systems and Voter Allignments: Cross-National Perspective*. NY: Free Press, 1967.
16. Moravane. Official Website. URL: <http://moravane.cz/domains/moravane.cz/o-nas/historie-strany> (дата обращения: 18.07.2019).
17. Puhle H. Regions, Regionalism and Regionalization in 20th Century Europe. 1999. URL: <http://www.oslo2000.uio.no/program/papers/s9/s9-puhle.pdf> (дата обращения: 05.03.2020 г.).
18. Regionalisation in Hungary: once again a centralised country. URL: <https://aer.eu/regionalisation-hungary-centralised-country/> (дата обращения: 28.10.2019).
19. Roller E., Van Houten P. A National Party in a Regional Party System: The PSC-PSOE in Catalonia // *Regional & Federal Studies*. 2003. 13(3). P. 1-22.
20. Rybář M., Spáč P. Slovakia: The Unbearable Lightness of Regionalization. В A. Schakel // *Regional and National Elections in Eastern Europe Territoriality of the Vote in Ten Countries*. London: Palgrave MacMillan, 2017.
21. Saarts T. Introducing regional selfgovernments in Central and Eastern Europe: Paths to success and failure // *Regional & Federal Studies*. 2019. P. 1–25.
22. Strmiska M. Rise and Fall of Moravian Regionalist Parties // *Středoevropské politické studie*. 2000.
23. Swenden W. *Federalism and Regionalism in Western Europe. A Comparative and Thematic Analysis*. Hampsire: Palgrave McMillan, 2006.
24. Tilly C. *Social Movements, 1768–2004*. Boulder: Paradigm Publishers, 2004.
25. Vida I. Somogyi Keresztény Koalíció (SKK). Magyarországi politikai pártok lexikona (1846–2010). 2011. P. 447–448.
26. Дробижева Л.М. Гражданская идентичность как условие ослабления этнического негативизма // *Мир России. Социология. Этнология*. 2017. № 1.
27. Китинг М. Новый регионализм в Западной Европе // *Логос* 2003. № 6. С. 67-116.
28. Панов П.В. Многоликий регионализм // *Вестник Пермского университета. Политология*. 2020. № 1. С. 102–115.

Поступила в редакцию 05.10.2020

Иsobчук Мария Вячеславовна, младший научный сотрудник
Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН
614990, Россия, г. Пермь, ул. Ленина, 13а
E-mail: isobchuk.mary@gmail.com

M.V. Isobchuk

WHERE IS REGIONALISM DISAPPEARING? COMPARATIVE ANALYSIS OF REGIONALIST MOVEMENT TRANSFORMATION IN THE COUNTRIES OF CENTRAL EASTERN EUROPE

DOI: 10.35634/2587-9030-2021-5-1-48-56

The study of regionalism has been, perhaps, one of the trends in the world political science for more than half a century. At the same time, the main attention of researchers is attracted by cases of “successful” regionalism (for example, in Spain or Great Britain), while “unsuccessful” (in electoral terms) regionalisms remain without proper analysis. The purpose of this study was to identify the main factors contributing to the decline of the regionalism. Based on the materials of three regionalisms in Central Eastern Europe (Somogy, Moravia and South Slovakia), these factors were identified. As a research method, a small-N qualitative comparison was used. The study identified three groups of factors that can potentially influence the success of the regionalist movement: factors associated with the activity of regionalist actors, institutional factors and factors of regional identity. Each of these factors, directly and in combination with others, can affect the success of the regionalist movement. Thus, for Moravian regionalism, the decisive factors of decline were the organizational weakness of the regionalist party combined with the decline of regional identity; for regionalism in Somogy, the fatal reform of the administrative-territorial structure of Hungary, depriving the regions of any autonomy and real power, and Hungarian regionalism in Slovakia, deprived institutional and organizational privileges, has lost its electoral significance. In general, the decline of the regionalist movement in this context only in one case out of three led to the disappearance of the regionalist movement itself, in two cases it was successfully transformed into other or-

ganizational forms. Thus, the study identifies the main factors of the decline of regionalism and identifies possible models of its transformation.

Keywords: regionalism, regionalist party, regionalist movement, regional identity, multilevel governance.

Received 05.10.2020

Isobchuk M.V., research fellow, Department of Political Institutions and Processes
Perm Federal Research Center, Russian Academy of Sciences
Lenina st., 13a, Perm, Russia, 614990
E-mail: isobchuk.mary@gmail.com